

«РУССКИЙ ВОПРОС» НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ *

Проф. Б. Штейн

«Русский вопрос» был первой проблемой, которая подверглась обсуждению на Парижской мирной конференции 1919 г., созванной союзниками для заключения мирного договора с Германией и её тогдашними сателлитами. Такая первоочередность «русского вопроса» была не случайной.

В первой части настоящей статьи мы подробно обрисовали общую международную обстановку, которая вынуждала союзников заняться «русским вопросом». Вооружённая интервенция в Россию, длившаяся в течение всего 1918 г., ощутительных результатов к моменту созыва мирной конференции не дала. Её сторонники, однако, отнюдь не собирались отказаться от методов вооружённого подавления Советской республики. Вильсон и Ллойд-Джордж, сомневаясь в успехе прямой вооружённой интервенции, попытались другими средствами добиться тех же результатов (т. е. устранения советской власти и расчленения России).

Они предложили созвать специальную конференцию, в которой должны были принять участие как союзники, так и представители всех фактических правительств России. Резолюция о созыве подобной конференции была принята Советом десяти 22 января 1919 года.

Обращение Совета десяти к русским политическим группировкам от 22 января 1919 г. не было послано непосредственно по адресу этих группировок. Как заявил президент Вильсон на заседании Совета от 1 февраля 1919 г., «сообщение было сделано печати, а не в виде прямого обращения»¹.

В своей книге «Правда о мирных договорах» Ллойд-Джордж пишет: «Эта доброжелательная попытка умиротворения России и восстановления дружеских отношений между нею и другими нациями оказалась безуспешной. Ни одна из враждующих партий не пожелала встретиться на совместной конференции со своими противниками. Большевики не желали признать какие-либо права за своими противниками, которых они рассматривали как мятежников, восставших против законного правительства, и не могли согласиться вести с ними переговоры на равных основаниях под эгидой иностранных правительств». Далее, он проводит историческую аналогию с французскими революционерами: если бы им предложили вести переговоры с вандейцами и шуанами под эгидой Англии, России, Пруссии и Австрии, то последовал бы «такой же презрительный отказ, какой был дан нашему приглашению на Принцезы острова»².

Пример, несомненно, красочный, но кто же, как не Ллойд-Джордж, должен был знать, что со стороны большевиков не только не последовал «презрительный отказ», а, наоборот, они дали согласие на конференцию совместно с представителями Деникина, Колчака, Чайковского и др. Для чего же понадобилось Ллойд-Джорджу сослаться на историю, чтобы при-

* Настоящая статья представляет собой вторую часть главы «Принцезы острова» из подготавливаемой к печати работы автора «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г.». Первая часть этой главы была помещена в журнале «Вопросы истории» № 3 за 1947 год.

¹ Foreign Relations of U. S. A. Paris Peace Conference 1919. V. III, p. 836. 1919.

² Ллойд-Джордж «Правда о мирных договорах». стр. 403, 404.

крыть явную ложь, и что же в действительности произошло после того, как союзники приняли и опубликовали (а не послали) 22 января 1919 г. своё обращение к политическим группировкам России?

23 января 1919 г. советские радиостанции перехватили сообщение парижского радио, отправленное без обозначения адресата, о том, что мирная конференция предлагает всем воюющим сторонам в России заключить перемирие и послать на Принцевы острова близ Константинополя своих представителей, которые при участии представителей держав Согласия начали бы переговоры о соглашении³.

Самый текст этого обращения был идентичен тексту, принятому Советом десяти 22 января 1919 года⁴.

В тот же день, 23 января, Царскосельская радиостанция приняла второй текст декларации союзников о России, несколько отличающийся от первого⁵.

Первое сообщение, посланное из Парижа, представляло собой текст резолюции, принятой Советом десяти, а сообщение, принятое Царскосельской радиостанцией 23 января, было английским (передача была из Карнарвона) комментарием принятой резолюции.

По существу оба текста были одинаковы.

Как реагировало советское правительство на это радиовоззвание? 4 февраля 1919 г. Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал полный отчёт о всех шагах, которые были им предприняты после получения обращения от 22 января и в связи с ним. Немедленно по получении радиотелеграмм из Парижа и Карнарвона, а именно 24 января, народный комиссар Чичерин обратился с радиотелеграммой к полномочному представителю РСФСР в Стокгольме В. В. Воровскому с просьбой выяснить ряд вопросов, казавшихся неясными в связи с проектом конференции на Принцевых островах. Форма приглашения была необычной, содержание тоже вызвало ряд недоуменных вопросов. Чичерин прежде всего обратил внимание Воровского на отсутствие формального приглашения советскому правительству и заметил, что вследствие этого на парижское радио «приходится смотреть как на слух, ещё нуждающийся в подтверждении». Второй вопрос был связан с выбором места конференции. Принцевы острова, по словам Чичерина, могли быть избраны как место для проведения конференции только при желании «окружить конференцию непроницаемой тайной или создать для неё неполную гласность, в зависимости от желания держав Согласия». Неясными представлялись Чичерину и цели предстоящей конференции. Если её целью было прекращение войны в России, то «единственный способ положить ей конец заключался бы в прекращении оказываемой контрреволюции извне поддержки».

Вопрос об участии представителей держав Согласия на предполагаемой конференции в качестве посредников также вызвал сомнения у Чичерина. «Самое посредничество,— писал он в телеграмме Воровскому,— возможно со стороны незаинтересованных третьих держав, но в данном случае предложение исходит от правительства, фактически участвующих в борьбе против нас и занимающих своими армиями некоторую часть нашей территории». Можно ли такие правительства назвать незаинтересованными и какова в таком случае цель их посредничества?

Наконец, неясными и вызывающими сомнения казались Чичерину и военные требования, которыми парижская радиограмма обуславливала созыв конференции. Он писал: «Предложение о приостановке военных действий не было выставлено в то время, когда Советская республика испытывала серьёзные затруднения в военном отношении, но выстав-

³ Отчёт НКВД VII съезду Советов ноябрь 1918 — декабрь 1919 г. стр. 5, 6, 7.

⁴ «Внешняя политика СССР», сборник документов. Т. 1, стр. 222

⁵ Там же, стр. 223.

ляется теперь, когда контрреволюция находится накануне окончательного краха»⁶.

Л. Б. Красин — в то время народный комиссар внешней торговли, а впоследствии полномочный представитель в Англии — по поводу радиосообщения союзников высказывал недоумение по следующему вопросу: «Будет ли попрежнему продолжаться высадка десантов на Чёрном море, в Архангельске, снабжение боевыми припасами белогвардейских элементов и русских контрреволюционеров всех мастей, будут ли оставлены линии фронта, занимаемые союзниками в России?»⁷.

Наконец, Д. З. Мануильский высказал в советской печати следующее соображение: «Предложение союзников внутренне противоречиво. И это внутреннее противоречие объясняется тем политическим положением, в которое попал союзный империализм. Он вынужден в данный момент лавировать между политической мифа о создании лиги народов, одурманивающей сознание народных масс, и захватными стремлениями, проявляемыми наиболее активными акулами капиталистического мира»⁸.

Все приведённые высказывания не оставляют сомнений в том, что общественное мнение Советской страны правильно поняло смысл приглашения на Принцевы острова. Оставалось определить соответствующую тактику советского правительства в этом вопросе. Несомненно, что ряд участников решения о созыве конференции от 22 января 1919 г. рассчитывал на отказ советского правительства принять в ней участие. Подобный отказ развязывал бы руки сторонникам продолжения военной интервенции и вместе с тем возлагал бы вину за провал конференции на советское правительство. Таким образом, отказаться от участия в мирной конференции — значило бы играть на руку наиболее крайним элементам в лагере союзного империализма.

4 февраля 1919 г. советское правительство, к величайшему разочарованию всех тех, кто ждал его отказа от участия в конференции, специальной нотой, адресованной правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, ответило согласием «немедленно начать переговоры или на Принцевых островах, или в каком бы то ни было другом месте, со всеми державами Согласия совместно, или же с отдельными державами из числа их, или же с какими-либо российскими политическими группировками, согласно желанию держав Согласия. Русское советское правительство просит державы Согласия немедленно сообщить ему, куда направить ему своих представителей, когда именно и каким путём»⁹.

Докладывая на VIII съезде партии 18 марта 1919 г. о переговорах, связанных с конференцией на Принцевых островах, В. И. Ленин говорил: «Мне кажется, что то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчёт конференции на Принцевых островах, — мне кажется, что это предложение и наш ответ кое в чём, и довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира»¹⁰.

Действительно, аналогия, на которую ссылается В. И. Ленин, бросается в глаза. Во время Бреста молодая Советская республика нуждалась в передышке, за которую она готова была заплатить рядом существенных экономических и политических уступок. Во время Мирной конференции Советская республика, конечно, была уже значительно сильнее, нежели во времена Бреста. Однако передышка и в начале 1919 г. была ей нужна.

⁶ «Внешняя политика СССР», сборник документов. Т. I, стр. 225, 226.

⁷ «Известия» от 28 января 1919 года.

⁸ Там же.

⁹ «Внешняя политика СССР». Т. I, стр. 229.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 116.

Таким образом, аналогия, на которую ссылался В. И. Ленин, несомненно, имела место. Отсюда вытекала и тактика советского правительства, которая была зафиксирована в ноте от 4 февраля 1919 года.

В ноте прежде всего подчёркивался тот факт, что советское правительство не получило формального приглашения на конференцию. Действительно, тактика Совета десяти по вопросу о приглашении советского правительства была двусмысленной и провокационной: Совет десяти вынес резолюцию о созыве конференции на Принцевых островах, причём на эту конференцию приглашались «все фактические правительства России». Казалось бы, что подобная резолюция требовала посылки формального приглашения. Между тем приглашение это послано не было. Президент Вильсон раскрыл секрет этой игры, сказав, что послать приглашение советскому правительству означало бы признание его. Между тем союзники больше всего заботились о сохранении полной свободы рук в отношении Советской республики. Нота от 4 февраля показывала, что советское правительство прекрасно понимало игру союзников.

Далее, советское правительство открыто заявляло, что, несмотря на всё более и более благоприятное положение Советской России как в военном, так и в других отношениях, правительство готово пойти на мирное соглашение «даже ценою серьёзных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской республики» Советское правительство соглашалось сделать уступки по вопросу о займах царского правительства, гарантировать уплату процентов по этим займам известным количеством сырых материалов и т. д. Равным образом оно заявляло о готовности предоставить подданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии «на условиях, подлежащих ещё точному определению с тем, чтобы экономический и социальный строй Советской России не был затронут внутренними распоряжениями этих концессий».

Советское правительство не уклонилось в своём ответе и от вопроса об аннексиях и территориальном размежевании, т. е. признании на определённых территориях власти правительств, пользующихся военной и экономической поддержкой Антанты — Колчака, Деникина и др. По этому вопросу нота от 4 февраля заявляла, что советское правительство не имеет в виду во что бы то ни стало исключить из этих переговоров рассмотрение вопроса о каких-либо аннексиях державами Согласия русских территорий.

Русское советское правительство прибавляет, что, по его мнению, под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или другой части бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия, или же таких, которые содержатся правительствами Согласия или пользуются их финансовой поддержкой.

Давая согласие вести переговоры о территориальных уступках, советское правительство вынуждало Антанту конкретизировать свои домогательства и тем разоблачало её цели.

Вслед за нотой от 4 февраля, 6 февраля 1919 г. украинское советское правительство, требуя немедленного вывода войск держав Согласия из Украины, заявило, что оно «готово вступить в переговоры, отправив своих делегатов» (на Принцевы острова). Наконец, советское правительство Литовско-Белорусской республики в ноте от 1 марта, посланной державам Согласия, выражало «полную готовность послать своих представителей на Принцевы острова или в любое иное место, как только ему будет указан срок и маршрут»¹¹.

Ответ советского правительства спутал карты тех, кто рассчитывал на отказ большевиков принять участие в конференции на Принцевых островах. Теперь, после положительного ответа советского правительства, необходимо было как-либо выпутываться из создавшегося положения,

¹¹ «Внешняя политика СССР». Т. 1, стр. 241.

найти нужные аргументы для срыва конференции. Ответ советского правительства показал, что оно не боится встречи на Принцевых островах. Тем более следовало бояться этой встречи противной стороне.

Мы уже видели выше, что один из главных участников и авторов решения о созыве конференции — Ллойд-Джордж, в объяснении причин срыва конференции унижается до лживого заявления, что никто из приглашённых правительств не принял этого приглашения.

Другой участник событий и один из основных виновников провала конференции — Черчилль, не скрывает, правда, положительного ответа советского правительства, но пытается опорочить этот ответ и тем самым возложить вину на советское правительство. Он пишет: «4 февраля большевики ответили согласием, которое по своей форме допускало, впрочем, различные толкования». Черчилль благоразумно воздержался от уточнения этой мысли, поскольку он, конечно, сам понимал, что текст советской ноты от 4 февраля никаких «различных толкований» не содержал. Ответ был положительный — и только. Продолжая свои пояснения, касающиеся причин неуспеха конференции, Черчилль пишет: «Белые в Сибири и Архангельске, а также Набоков, Сазонов и др. представители антибольшевистских групп с презрением его отвергли. Самая мысль о переговорах с большевиками была совершенно неприемлема для представителей господствующей части общественного мнения как в Великобритании, так и во Франции»¹². Черчилль здесь прибегает и к прямой неправде, и к сокрытию фактического положения вещей, и в большой степени — к лицемерию. Сообщая о том, что белогвардейские группировки «с презрением отвергли» предложение участвовать в конференции, Черчилль умалчивает о том, что вслед за принятием резолюции от 22 января о созыве конференции на Принцевых островах белогвардейским правительствам был послан «дружеский совет» не принимать это предложение. Об этом совершенно ясно и недвусмысленно дал показания перед Сенатской комиссией по иностранным делам США Вильям Буллит. Вот что показал Буллит по этому вопросу на заседании комиссии 12 сентября 1919 г.: «Французское министерство иностранных дел сообщило украинскому правительству (Буллит имеет в виду Петлюру. — Б. Ш.) и ряду других антисоветских правительств, что если они откажутся принять предложение, Франция их поддержит и будет продолжать поддерживать»¹³.

Черчилль пытается уверить читателей в том, что мысль о переговорах с большевиками была неприемлема для представителей господствующей части общественного мнения как в Великобритании, так и во Франции. Поскольку речь шла о Франции, Черчилль, пожалуй, был прав. Что же касается Великобритании, то нужно, повидимому, думать, что Черчилль не считал Ллойд-Джорджа одним из представителей господствующей части общественного мнения.

В период между 22 января и 14 февраля Совет десяти несколько раз возвращался к «русскому вопросу». 23 января в повестке дня Совета под пунктом 2 значится «комиссия по вопросу о русской конференции» (под этим термином подразумевалась конференция на Принцевых островах). Клемансо заявил, что он назначил в эту комиссию французских представителей: Конти и генерала Рампона. Японский делегат барон Макино сказал, что он также намерен назначить своих представителей и сообщит их имена, как только это будет возможно. Остальные делегаты заявили, что они сообщат имена своих представителей в тот же день после обеда¹⁴.

¹² Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 109.

¹³ The Bullitt Mission to Russia, p. 32.

¹⁴ Foreign Relations. V. III, p. 693.

На заседании от 27 января «русский вопрос» снова был затронут. Клемансо сообщил, что он получил телеграмму от Братиану, который настаивал на исключении бессарабского правительства из числа тех, кто должен посылать делегатов на Принцевы острова. Мотивировалось это тем, что Бессарабия добровольно, дескать, присоединилась к Румынии и поэтому её не должно касаться приглашение, посланное различным правительствам России. Выступивший на заседании Пишон заявил, что, по его мнению, нужно Бессарабии предоставить право самой решить, хочет она или нет посылать представителей на Принцевы острова. Лично он полагал, что она не захочет. Было решено не отвечать на телеграмму Братиану немедленно, а поставить этот вопрос, когда будет обсуждаться общий вопрос о конференции на Принцевых островах. В связи с вопросом, поставленным Братиану, Бальфур спросил, следует ли понимать, что все те элементы старой России, которые, по мнению союзников, являются её наследниками и из которых начинают создаваться независимые государства, как, например, Эстония, Грузия и, возможно, русская Армения и Дагестан, приглашаются на конференцию. По этому вопросу было решено, что приглашаются все элементы, кроме тех, которые были прямо исключены (Польша и Финляндия. — *Б. Ш.*)¹⁵.

В этой связи любопытно привести заявления ряда «правительств», образовавшихся на территории России и претендовавших на полную независимость от России. Так, в телеграмме, посланной из Берна 5 февраля 1919 г., посланник США в Швейцарии сообщает американской делегации в Париже, что к нему явился назвавшийся министром иностранных дел «Республики союза народов Черкессии и Дагестана» Хандар Баммат и заявил следующее: он будет с нетерпением ждать ответа президента Вильсона на вопрос о том, должна ли его страна быть включена в число тех частей России, которые примут участие в конференции на Принцевых островах. Он пояснил, что его правительство будет счастливо принять это приглашение и что он и другие представители правительства готовы немедленно отправиться на Принцевы острова, если будут убеждены, что таково желание президента. Посланник США добавляет к изложенному, что Хандар Баммат в разговоре с ним выразил желание, чтобы его страна была поставлена под защиту Лиги наций в качестве независимой страны и что его искренним желанием было бы, чтобы Соединенные Штаты были назначены Лигой в качестве страны-мандатария.¹⁶

Такая готовность «Республики союза народов Черкессии и Дагестана» принять участие в конференции и предоставить себя целиком в распоряжение президента Вильсона, вплоть до отдачи своей территории («в качестве независимой страны») под мандат США, объясняется очень просто: правительство этой «республики» представляло собою кучку ни на кого не опиравшихся авантюристов, мечтавших любыми способами, вплоть до продажи своей страны, добиться признания великих держав. Они готовы были на что угодно, лишь бы получить власть и быть «признанными». 8 февраля 1919 г. делегация Грузинской республики (меньшевистской) обратилась к американской делегации на Мирной конференции с нотой. Грузинские делегаты требовали от Мирной конференции признания их независимости, а равно настаивали на том, чтобы «грузинский вопрос был отделён от всех других русских проблем; он (грузинский вопрос.— *Б. Ш.*) должен быть немедленно поставлен перед Мирной конференцией»¹⁷.

¹⁵ Foreign Relations. V. III, p. 733, 744.

¹⁶ Ibidem, p. 43, 44.

¹⁷ Ibidem, p. 47, 48, 49.

Грузия не намерена посылать своих представителей на Принцевы острова. Ей там делать нечего, ибо там будет решаться проблема России, а Грузия — не Россия.

10 февраля 1919 г. председатель латвийской делегации в Париже, председатель Государственного совета Латвии Чаксте (впоследствии президент Латвийской республики), направил президенту Вильсону ноту, в которой со ссылкой на резолюцию от 22 января (приглашение на Принцевы острова) писал: «Несмотря на то, что с политической точки зрения Временное правительство Латвии находится в том же положении, что и Польша и Финляндия (т. е. также не должно принимать участия в конференции на Принцевых островах. — *Б. Ш.*), оно считает себя приглашённым». Латвийское временное правительство готово послать трёх делегатов на Принцевы острова, «исходя из того, что к этому времени будет установлено перемирие между Латвией и Россией и что все вооружённые силы, посланные или руководимые Россией против латвийской нации, будут в это время отозваны из Латвии и что всякое наступление будет прекращено»¹⁸.

Повидимому, одновременно с нотой Чаксте на имя Вильсона последовало заявление главы эстонской делегации и министра иностранных дел Эстонии Поска на имя президента Мирной конференции Клемансо (дата письма не установлена). Письмо Поска аргументируется так же, как и декларация Чаксте, и заканчивается следующим заявлением: «Мы ни в коем случае не считаем себя частью России и, принимая приглашение союзных держав и Соединённых Штатов участвовать в конференции на Принцевых островах, мы считаем, что участие представителей Эстонии в этой конференции должно иметь своей целью только заключение мира между Эстонией и Коммунистической республикой Советской России, и переговоры о будущих отношениях между Россией и Эстонской республикой»¹⁹.

Таким образом, как Латвия, так и Эстония принимали приглашения участвовать в конференции на Принцевых островах, ставя условием этого участия признание их независимости со стороны великих держав и ограничивая это участие лишь переговорами о мире с Советской Россией.

Обратимся к ответу белогвардейских правительств.

12 февраля 1919 г. на имя генерального секретариата Мирной конференции поступила нота за подписью Сазонова и Чайковского. Эта нота была адресована Мирной конференции от имени «объединённых правительств Сибири, Архангельска и Южной России». Как известно, в Париже в это время было образовано так называемое Политическое совещание, в которое, кроме указанных лиц, входили бывший председатель Временного правительства в Париже князь Львов и бывший посол Временного правительства в Париже Маклаков. Политическое совещание представляло русские белогвардейские правительства Колчака, Деникина, Чайковского и Юденича. Ссылаясь на резолюцию от 22 января 1919 г. и резко критикуя большевиков, Сазонов и Чайковский заканчивают свою декларацию следующим заявлением: «В нынешних условиях не может быть, и речи об обмене мнениями с большевиками»²⁰.

Наконец, остаётся привести сообщение, сделанное 10 февраля 1919 г. председателю Мирной конференции Клемансо главою делегации Украинской республики (Петлюровской) в Париже — Сидоренко. Сидоренко писал: «Украинская независимая республика... находится в настоящий момент в состоянии войны с большевистским правительством в России... Большевицкое правительство не только не имеет намере-

¹⁸ Foreign Relations. V. III, p. 49—50.

¹⁹ Ibidem, p. 52—53.

²⁰ Ibidem, p. 53, 54.

ния выполнить условия, поставленные Парижской мирной конференцией о заключении перемирия, отзыве войск и прекращении военных действий, но, наоборот, оно развивает военное наступление с целью уничтожения независимости Украинской республики. Из этих соображений Украинское правительство не может участвовать на конференции на Принцевых островах, если только большевистское правительство России не прекратит военных операций против Украинской республики (которая была уже признана в качестве независимого и суверенного государства) и если большевистское правительство России не отзовёт свои военные силы с Украинского фронта»²¹.

Мы можем теперь привести итоги всех ответов, полученных Мирной конференцией к тому моменту, когда возобновилась дискуссия по вопросу о Принцевых островах. Советское правительство принимало приглашение от 22 января, а так называемые правительства Сибири, Архангельска и Юга России категорически его отвергали. Во всех других ответах согласие на участие в конференции обусловлено определёнными предпосылками (в большинстве случаев прекращением военных действий и отзывом советских военных сил).

Когда были получены приведённые выше ответы, в Париж на конференции явился Черчилль. Сам Черчилль, с одной стороны, и Ллойд-Джордж — с другой, дают противоречивые показания относительно характера этой поездки. Так, Ллойд-Джордж пишет: «Уинстон Черчилль, в частности, обратил свою кипучую энергию и свои таланты на организацию вооружённой интервенции в России... Я оставил для участия в переговорах в Париже (Ллойд-Джордж, как известно, вынужден был уехать в конце января в Лондон. — Б. Ш.) в качестве единственного представителя Бальфура. Черчилль очень умело использовал все возможности, которые предоставляли ему отъезд президента Вильсона и мой из Парижа, чтобы поехать туда и поставить свои планы в отношении России на рассмотрение французской, американской и английской делегаций»²².

Таким образом, согласно сообщению Ллойд-Джорджа, получается, что он не только не давал согласия на поездку Черчилля в Париж, но даже точно не знал, зачем Черчилль едет туда. Черчилль изображает свою поездку в Париж в несколько иных тонах. Он пишет: «Как раз в этот самый период (после 22 января. — Б. Ш.) я впервые принял участие в обсуждении «русского вопроса» в Париже. Имея в своём непосредственном ведении наши военные обязательства в Архангельске, по отношению к Колчаку и Деникину, я неоднократно побуждал премьер-министра принять по отношению к России определённую политику... В конце концов, он предложил мне поехать в Париж и установить самому, что можно было сделать в тех пределах, какие были нами намечены»²³.

Приведённые нами строки в рассказе Черчилля о предложении Ллойд-Джорджа появились в его книге «Мировой кризис», опубликованной в 1929 году. Ллойд-Джордж выпустил свою «Правду о мирных договорах» в 1937 г., и там он не опровергает утверждений Черчилля, а отделяется туманной и неясной фразой о том, что Черчилль воспользовался его отсутствием в Париже и сам поехал туда. Это неубедительно. Черчилль поехал в Париж либо по предложению Ллойд-Джорджа либо, во всяком случае, с его полного согласия, несмотря на то, что Черчилль не скрывал от Ллойд-Джорджа своей интервенционистской программы по отношению к России. Но если у Черчилля была определённая тактика по отношению к России, то у Ллойд-Джорджа этой тактики не было: у него были тенденции к «мирному» соглашению,

²¹ Foreign Relations. V. III. p. 60—70.

²² Ллойд-Джордж «Правда о мирных договорах», стр. 404—405.

²³ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 109.

но всякий раз, когда эти тенденции сталкивались с противоположными намерениями, Ллойд-Джордж отступал и уступал. Так было и в вопросе о поездке Черчилля в Париж.

Одно обстоятельство поражает любого беспристрастного исследователя. В то время как противники конференции на Принцевых островах (Клемансо—Пишон) действуют, сторонники конференции и её инициаторы (Вильсон—Ллойд-Джордж) бездействуют. Правда, оба (Вильсон и Ллойд-Джордж) сейчас же после 22 января уезжают (в силу соображений внутренней политики): один—в Вашингтон, другой—в Лондон. Но у каждого из них в Париже остаются заместители. Вильсон оставляет Лансинга и Хауза, Ллойд-Джордж—Бальфура. Если можно говорить о том, что Лансинг далеко не во всём разделял позицию Вильсона (хотя в вопросе о Принцевых островах у них расхождений не было), то Хауз на все сто процентов разделял мнение президента. Что касается Бальфура, то его принципиальная лояльность по отношению к Ллойд-Джорджу стояла вне всякого сомнения. Между тем, повторяю, для решения вопроса о конференции на Принцевых островах ничего не предпринималось: регистрировались ответы различных русских политических группировок — и только. Это тем более знаменательно, что как американцы, так и англичане считали желательным созыв конференции и как-то даже готовились к ней. Журнал заседаний американской делегации на Мирной конференции, впервые опубликованный в 1945 г. в XI томе *Foreign Relations of U. S. Paris Peace Conference 1919*, даёт любопытные доказательства того, что американцы и англичане готовились к конференции, но готовились только внутри своих делегаций и ничего не предпринимали для того, чтобы конференция действительно состоялась. Так, на заседании американской делегации 31 января 1919 г. Уайт докладывал о разговоре, который имел с членами британской делегации известный нам Буклер (продолжавший заниматься русскими делами). Буклер вынес впечатление, что британское правительство хочет послать своих представителей на Принцевы острова даже в том случае, если в ней примут участие одни большевики. Лансинг по этому поводу заметил, что он не думает, что большевики согласятся послать своих представителей на такую конференцию. Уайт сказал, что личный секретарь Ллойд-Джорджа Керр думает, что большевики примут приглашение²⁴

На заседании делегации 1 февраля Гертер зачитал доклад Буклера о его разговоре с Керром. В докладе говорилось, что в разговоре, который Буклер совместно с Буллитом имели с Ф. Керром, последний высказал ряд соображений по «русскому вопросу». Эти соображения могут быть сформулированы так:

1. Британцы стремятся как можно скорее эвакуировать свои войска из Архангельска. Они хотят это осуществить при любых обстоятельствах не позже 1 мая.

2. Они готовы принять участие в конференции на Принцевых островах или в любом другом месте с представителями советского правительства, «если даже ни одни другие русские представители не примут приглашения мирной конференции»²⁵.

По этому поводу полковник Хауз сообщил, что В. Буллит подготовил президенту меморандум о желательности отозвания американских войск из Архангельска. Это был тот самый меморандум, датированный 30 января 1919 г., в котором Буллит писал: «Временное правительство Архангельска сообщило, что оно не намерено принять приглашение на Принцевы острова. Представляется вполне достойным и честным именно в данный момент уведомить архангельское правительство, что если оно не считает возможным принять союзное предложение, сделанное в ре-

²⁴ *Foreign Relations*. V. XI. p. 5, 6.

²⁵ *Ibidem*. V. XI, p. 9.

зультате серьёзных соображений, мы отказываемся впредь помогать ему вооружёнными силами»²⁶.

Таким образом, В. Буллит предлагал политику и тактику (по отношению к белым правительствам), прямо противоположную французской: последняя обещала вооружённую помощь, если белые правительства откажутся принять приглашение на Принцевы острова; Буллит предлагал лишить их в этом случае военной помощи.

Наконец, из журнала заседания американской делегации от 7 февраля 1919 г. мы узнаём, что США назначили в качестве американских представителей на конференцию Принцевых островов Джорджа Геррона и Вильяма Уайта. Секретарём этих двух делегатов намечался Фелькс²⁷.

После всего изложенного казалось бы, что в период между 22 января и 14 февраля 1919 г. как американская, так и английская делегации твёрдо держались первоначальной линии, т. е. резолюции 22 января о созыве конференции на Принцевых островах. Что же произошло на заседаниях Совета 14 и 15 февраля 1919 г., на которых была фактически похоронена идея конференции на Принцевых островах? Об этом писали как Черчилль в своей книге «Мировой кризис», так и Ллойд-Джордж в «Правде о мирных договорах». Оба свидетеля дают более чем субъективную картину, которая не только не разъясняет положение, но, наоборот, всячески его запутывает. Однако восстанавливать дискуссию 14 и 15 февраля 1919 г. мы будем не по высказываниям Черчилля и Ллойд-Джорджа, а по официальным протоколам Совета десяти, опубликованным Государственным департаментом США только в 1943 году. Протоколы дают возможность установить субъективные элементы в показаниях как Черчилля, так и Ллойд-Джорджа.

Обсуждение «русского вопроса» на заседании 14 февраля началось с заявления Бальфура (который заменял уехавшего в Лондон Ллойд-Джорджа) о том, что по этому вопросу он просит выслушать У Черчилля, который сообщит точку зрения британского кабинета. Выступивший затем Черчилль сказал следующее: «Ввиду предстоящего отъезда президента Вильсона кабинет просил его (Черчилля.—Б. Ш.) приехать сюда и добиться известного решения относительно политики по этому вопросу (разрядка моя.—Б. Ш.). Ллойд-Джордж хотел бы знать, будет ли продолжаться политика союзников, которая привела к предложению конференции на Принцевых островах; если не будет, то чем она будет заменена. Если есть возможность продолжать прежнюю политику, тем лучше, но если в конференции будут принимать участие только большевики, то мало хорошего можно от неё ожидать... Если конференция на Принцевых островах не приведёт к прекращению военных действий, такое неудовлетворительное положение может продлиться неопределённое время.

Клемансо заметил, что вопрос такой важности не может быть решён на коротком и неподготовленном заседании. Вильсон сказал, что среди большого количества неясностей, касающихся России, он имеет совершенно ясную точку зрения по двум пунктам. Первый — это то, что войска союзных и ассоциированных правительств не делают ничего хорошего в России. Он не знает, для кого и для чего они туда посланы... Его заключение поэтому сводится к тому, что союзные и ассоциированные державы должны отозвать свои войска со всех частей русской территории.

Другой пункт относится к Принцевым островам. Политика, приведшая к идее конференции на Принцевых островах, была принята с целью установить, куда намерен идти русский народ. Поскольку это касается его, Вильсона, он был бы вполне доволен, если бы неофициальные американские представители встретились с большевиками. В своём ответе

²⁶ The Bullitt Mission to Russia, p. 17.

²⁷ Ibidem, p. 27.

большевики предложили множество вещей, о которых их не спрашивали, как-то: возобновление платежей по долгам, концессии и территориальные компенсации (sic! — *Б. Ш.*). Этот ответ был не только непрошенным, но мог считаться оскорбительным. Союзники имели в виду лишь мир в России как составную часть всеобщего мира. Первое условие конференции, которое требовали союзники, было прекращение наступления русских войск. Если другие русские правительства не хотят встретиться с союзниками на Принцевых островах, не нужно ли союзникам, по примеру Магомета, встретиться с ними?.

Черчилль сказал, что полное отозвание всех союзных войск было бы логической и ясной политикой, но результатом её будет уничтожение всех небольшевистских армий в России...

Вильсон заметил, что действующие в настоящее время силы союзников не могут остановить большевиков и что никто из союзников не готов увеличить количество своих войск. Соннино спросил, не могут ли союзники продолжать снабжать небольшевистские элементы оружием. Вильсон заметил, что они (т. е. небольшевистские элементы.— *Б. Ш.*) до сих пор весьма мало использовали то, что получали. Черчилль согласен с тем, что союзники не могут послать регулярные войска в Россию. Но он думает, что можно доставлять туда добровольцев, технических экспертов, оружие, амуницию, танки, аэропланы. Президент Вильсон хотел бы знать прежде всего, на что пойдёт эта помощь. В некоторых районах (России.— *Б. Ш.*) это будет, несомненно, означать помощь реакционерам.

...Черчилль хотел бы знать, одобрит ли Совет помощь оружием антибольшевистским силам в России, если съезд конференции на Принцевых островах провалится. Президент Вильсон сказал, что колеблется высказать своё окончательное мнение. Он изложил Совету своё мнение, как если бы он действовал один. Впрочем, он будет участвовать в разрешении этого вопроса вместе с другими.

Заседание было закрыто, и было решено, что вопрос должен быть обсуждён на совещании после обеда»²⁸.

Центральным пунктом заседания 14 февраля является, несомненно, выступление президента Вильсона. Это выступление, однако, поражающее своей внешней беспомощностью, было по существу отступлением под влиянием ноты советского правительства.

Анализируя выступление 14 февраля, нельзя не придти к выводу, что он уклонился от вопроса, поставленного Черчиллем (о необходимости точно определить русскую политику), и не уточнил свою окончательную позицию по «русскому вопросу». В этот день Вильсон покинул Париж. У нас нет данных, позволяющих судить, состоялось ли в тот же день (14 февраля), после обеда, совещание, о котором говорится в конце протокольной записи заседания от 14 февраля. Продолжение прений в Совете десяти состоялось на следующий день, 15 февраля 1919 года. Это был день окончательных похорон идеи конференции на Принцевых островах. Ни Вильсон, ни Ллойд-Джордж на этом заседании не присутствовали. Центральными фигурами его явились У. Черчилль и Ж. Клемансо.

На заседании 15 февраля Черчилль заявил следующее: «Каждый присутствующий знает, какие мотивы привели конференцию к тому, чтобы принять политику Принцевых островов. С тех пор прошёл месяц, но не было принято никакого решения, которое дало бы какой-либо результат в отношении союзных войск. С другой стороны, как это показал доклад генерала Альби²⁹, в России в течение этого периода произошли весьма гибельные события... В настоящий момент все военные действия парализованы отсутствием решения, и в этом огромная опасность, ибо

²⁸ Foreign Relations. V. III, pp. 1041, 1042, 1043, 1044.

²⁹ См. Штейн Б. «Принцессы острова». «Вопросы истории» № 3 за 1947 год.

она приводит к постепенному таянию союзных и дружеских армий. Бриганское правительство считает, что процесс разложения идёт очень быстро и что существующие дружеские армии скоро не смогут сопротивляться большевизму. Следовательно, необходимо одно из двух: или довести политику Принцевых островов до конца или выбрать другой путь. Имея эту цель перед глазами, он (Черчилль) средактировал проект радиосообщения, который он представляет на обсуждение: «Предложение союзных держав о созыве конференции на Принцевых островах было опубликовано более месяца тому назад. Большевики ответили по радио 6 числа текущего месяца, говоря, что они готовы идти навстречу желаниям союзных держав по вопросу об уплате долгов, о предоставлении концессий на разработку лесных и горных концессий, о правах держав Антанты на аннексию тех или других территорий России (sic! — Б. Ш.).

Союзники отвергают предложение, что таковы были их цели интервенции в России. Основным стремлением союзников является желание получить твёрдую уверенность, что в России вновь восстановлен мир и организовано правительство, согласно воле русского народа.

...Существенно и необходимо только одно: чтобы сейчас же прекратились и впредь не возобновлялись бои. Большевистское правительство, на словах принимая приглашение явиться на Принцевы острова, на деле, вместо того чтобы соблюдать условия перемирия, начало наступление в разных направлениях и в настоящее время ведёт атаку на нескольких фронтах. Кроме того большевики призвали несколько новых категорий солдат и усилили свои военные приготовления.

Поэтому необходимо точно фиксировать срок окончательного ответа на предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Если в течение десяти дней, начиная с 15-го числа текущего месяца, будет получено по беспроволочному телеграфу сообщение от большевистского правительства о том, что его войска в согласии с вышеуказанным прекратили наступление, артиллерийский огонь и отошли на требуемое расстояние от передовых позиций противника, и если это сообщение будет подтверждено донесениями с разных фронтов, то с таким же требованием союзники обратятся к войскам их противников.

Только при этих условиях может состояться конференция на Принцевых островах»³⁰.

Одновременно с сообщением Черчилль предлагает немедленно создать Союзный совет по русским делам... Этот Совет должен иметь политическую, экономическую и военную секции с исполнительной властью в тех пределах, которые будут установлены конференцией. Он придаёт особое значение тому, чтобы немедленно была сформирована и приступила к работе военная секция. Военной секции предлагаемого Совета должно быть сейчас же предложено выработать план объединённых действий против большевиков. Детали организации Совета могут быть, естественно, выработаны позже в различных направлениях. Существенным является иметь организм, задача которого состоит в изучении обстановки и в оценке сил, имеющихся в распоряжении союзников или необходимых для ведения войны против большевиков.

Выступивший при обсуждении послания Лансинг считает, что с некоторыми изменениями текста послание может быть отправлено, но что касается установления определённой политики или создания Совета (по русским делам.— Б. Ш.), то ничего нельзя предпринять, пока не будет дана возможность проконсультироваться (Лансинг, повидимому, имел в виду возможность снестись с Вильсоном, который уехал в США.— Б. Ш.).

Черчилль согласен, что создание Совета может быть отложено, но настаивает на том, чтобы была немедленно сконструирована военная

³⁰ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 111.

секция. Клемансо полагает, что Верховный военный совет может без всяких затруднений поручить военным экспертам изучить обстановку. Хауз предлагает, чтобы решение, касающееся создания Совета, было отложено до следующего понедельника (т. е. до 17 февраля.— *Б. Ш.*), но он охотно соглашается на немедленную посылку сообщения по радио. Соннино подчёркивает, что нужно решить два вопроса: военный вопрос и вопрос политический — о переговорах. Что касается военного вопроса, он согласен, что этот вопрос является самым срочным; вопрос политики существенный, и его отсрочка может быть весьма опасной. Клемансо просит, чтобы военный вопрос был решён немедленно как наиболее срочный. Хауз предлагает отложить его до понедельника, ограничившись вопросом о телеграмме. Клемансо заявляет, что он был полностью не согласен с предложением Ллойд-Джорджа о конференции на Принцевых островах, но принял его, дабы избежать разногласий внутри конференции. Однако необходимо признать, что первое сообщение по радио (22 января.— *Б. Ш.*) не имело большого успеха ни в Европе, ни где бы то ни было... Больше не следует ссылаться на конференцию на Принцевых островах. Он (Клемансо) не возражает в общем против предложенной Черчиллем редакции послания, но то, что он сказал на двух страницах, может быть выражено в десяти строчках. Мы должны известить весь мир, что этот план провалился... Он (Клемансо) не склоняется к политике предоставления России её собственной судьбе, так как она тогда быстро сделается добычей Германии. Он является сторонником политики окружения — политики создания барьера вокруг России. В результате русские сами будут просить союзников о вмешательстве...

Хауз подчёркивает, что вопрос заключается в том, как лучше действовать в отношении большевиков. В Англии и Америке «русский вопрос» создал весьма серьёзную обстановку, и предложение о конференции на Принцевых островах произвело хорошее впечатление во враждебных правительству кругах. Нужно решить, как лучше добиться провала намерений как большевиков, так и Германии. Если не действовать тактично, все народы на восток от Рейна могут подняться против Англии, США и Франции. Везде говорят, что Англия и Америка используют Францию с целью достижения англо-саксонской гегемонии во всём мире.

Бальфур считает, что нужно предпринять шаги к тому, чтобы уличить большевиков во лжи не только перед общественным мнением, но и перед теми, кто считает, что большевизм является заблудившейся демократией с большим количеством положительных элементов. Лично он считает большевизм худшей формой классовой тирании. Он никогда не был оптимистом относительно возможных результатов конференции на Принцевых островах, но он понимал, что известные выгоды могут получиться в результате декларации союзников о попытке обеспечить мир в России... Он считает поэтому, что большевикам должно быть послано такое сообщение, которое заставит их или прекратить враждебные действия или отказаться от переговоров. Подобное послание поставит их в затруднительное положение и в то же время поставит союзников в лучшее положение перед общественным мнением. Хауз замечает, что он никогда не был сторонником предложения о созыве конференции на Принцевых островах, но если с этого начали, то, следовательно, нужно идти до конца...

Клемансо считает правильным отметить, что общественное мнение во Франции единогласно настроено против конференции на Принцевых островах и что протесты не ограничиваются только Францией. Решительный протест был получен от адмирала Колчака, который обвиняет союзников в том, что они фактически обезоружили его войска.

Соннино согласен с тем, что союзники должны отказаться от политики Принцевых островов. Он всегда был против этой политики с самого начала и высказывал мнение, что одни большевики примут приглашение союзников, так как оно даст большевикам возможность повысить их престиж. Его предсказание оказалось верным, и теперь союзники имеют все основания, чтобы отказаться от этого проекта... Таким образом, дело должно быть закончено. Предложено отправить новое послание, ограничив его действие кратким сроком в десять или пятнадцать дней. Говорят, что эта процедура не нанесёт ущерба. Она нанесёт ущерб, потому что повысит престиж большевиков, а союзники ещё больше увеличат состояние демобилизации дружеских русских армий и их собственных войск в России... Бальфур сказал: идея конференции на Принцевых островах провалилась. В этом не может быть сомнений. Однако это предложение показало всему миру дружеские намерения союзников заключить мир с Россией (разрядка моя.— Б. Ш.). Политика Принцевых островов провалилась, и необходимо принять что-либо лучшее: предлагаемый совет должен быть секретно запрошен с целью выдвинуть другие решения. Он готов принять предложение обратиться с новым посланием, но предложение о собрании на Принцевых островах не должно быть повторено

Клемансо выражает намерение поддержать предложение барона Соннино. Черчилль говорит, что Ллойд-Джордж очень бы хотел, чтобы в случае провала предложения о конференции на Принцевых островах была принята другая политика. Но британский кабинет никогда не согласится идти так далеко, чтобы покончить с политикой Принцевых островов, не показав одновременно совершенно ясно всему миру, что это предложение было сделано искренно и что на нём искренно настаивали, пока существовал хотя бы один шанс на его успех... При всех обстоятельствах, до тех пор, пока военные эксперты не сделают доклада и не будет никакого альтернативного плана, невозможно будет резко порвать с предложением конференции на Принцевых островах. Соннино интересуется, что будет, если большевики согласятся прекратить боевые действия и прибыть на Принцевы острова... Его тезис таков. большевикам был дан срок до 15 февраля, чтобы выполнить условия, содержащиеся в первом послании. Большевики не выполнили эти условия (большевики продолжают своё наступление). Для чего нужно продление на 10 дней ранее установленного срока... Он (Соннино) просит членов конференции представить себе, какой эффект эта политика будет иметь не только в России, но и в союзных странах... Он решительно возражает против второго послания. Барон Макино говорит, что он получил сообщения из Сибири, подтверждающие то, что говорил Клемансо относительно разрушительного действия первого послания на различные круги дружественных групп в Сибири.

Бальфур выразил желание спросить военных экспертов о следующем: большевики считают, что они приняли приглашение, в действительности они не приняли его, так как они не выполнили основное условие, касающееся прекращения враждебных действий. А союзные силы воздержались ли от враждебных действий? Или, если задать этот вопрос в другой форме: имели ли военные действия союзников только оборонительный характер? (разрядка моя.— Б. Ш.).

Черчилль подчёркивает, что в период между посылкой приглашения и настоящим моментом большевики много раз переходили в наступление на всех фронтах.

Было решено отложить до понедельника 17 февраля, до 3 часов после полудня, дальнейшее обсуждение двух вопросов, относящихся к положению в России, а именно: 1) радиосообщение, относящееся к конферен-

ции на Принцевых островах; 2) создание Союзного совета по русским делам³¹.

О чём говорит протокол заседания Совета десяти от 15 февраля 1919 года? Как мы отметили выше, центральными фигурами заседания были Черчилль и Клемансо. Нет никаких сомнений в том, что Черчилль столкнулся предварительно с Клемансо, ибо они были полными единомышленниками в вопросе о политике по отношению к России. Для обоих единственно правильной политикой была политика вооружённой интервенции. Однако тактика у них была разная: в то время как Клемансо опирался на полностью согласный с ним кабинет министров (а министр иностранных дел Пишон даже часто шёл дальше Клемансо в этом вопросе), Черчилль был в более затруднительном положении: его премьер-министр Ллойд-Джордж не разделял политики прямой вооружённой интервенции и хотя не был достаточно настойчив и достаточно силён, чтобы настоять на полном отказе от этой политики, тем не менее был достаточно силён (как мы увидим ниже), чтобы мешать Черчиллю в открытом осуществлении его планов. Вот почему тактика Клемансо была прямой и открытой. Будучи против какого бы то ни было контакта с большевиками, он согласился на идею созыва конференции на Принцевых островах только под давлением Ллойд-Джорджа и Вильсона. Теперь, когда неудача этой идеи стала ясна (причём эта неудача в значительной мере может быть приписана ему, поскольку именно он «посоветовал» белым правительствам не принимать приглашения на конференцию), он открыто заявляет, что единственно правильная политика по отношению к России — это вооружённая интервенция и окружение. Клемансо последователен. Если он и соглашается на новое послание, предлагаемое Черчиллем, то не случайно предлагает его «сократить и упростить». Он схватил основную мысль Черчилля, касающуюся этого послания (об этом ниже), он понял, что это послание должно вбить последний гвоздь в гроб конференции на Принцевых островах, и он, естественно, хочет, чтобы этот гвоздь был более отточен и глубже вошёл в дерево.

Иной была тактика Черчилля. На заседании 15 февраля он выступает как посол и уполномоченный Ллойд-Джорджа. Он говорит от его имени и, казалось бы с первого взгляда, проводит его идеи. Он предлагает второе послание, которое якобы должно внести ясность в создавшееся положение и, в частности, быть может, привести к осуществлению конференции на Принцевых островах. Предлагаая свой текст послания, Черчилль отнюдь не выставляет себя в качестве противника конференции, каким он в действительности был. Наоборот, он, например, возражал Соннино и Клемансо, когда последние хотели, чтобы в послании вообще не упоминалась конференция на Принцевых островах, чтобы с Принцевыми островами было покончено. Он настойчиво и убедительно говорит, что необходимо всё сделать, чтобы довести это дело до конца, что от него нельзя отказаться, пока есть хоть один шанс на успех, что нужно доказать всему миру, что предложение было искренним и что на нём искренно настаивали.

Это страстное и темпераментное выступление Черчилля в пользу конференции на Принцевых островах — Черчилля, противника самой идеи конференции, — временами напоминает переигрывающего провинциального актёра. Но его слушатели — члены Совета десяти — не замечают (кроме, пожалуй, Клемансо) этого переигрывания.

Итак, Черчилль хочет только выяснить обстановку, он ничего не предпринимает, и он против того, чтобы отказаться от конференции на Принцевых островах до того, как окончательно не будет (при помощи послания) выяснено, что проектируемая конференция лопнула. Это пред-

³¹ Foreign Relations. V. IV, p. 10—21.

ложение Черчилля (второе послание) не может заслужить никакого упрека со стороны Ллойд-Джорджа, оно вполне лояльно по отношению к нему. Что же предлагает Черчилль в этом втором послании? Положение к 15 февраля 1919 г. было, казалось бы, ясным: проектируемая мирная конференция на Принцевых островах не может состояться по вине белых правительств. Всему миру известно, что за спиной белых правительств стоят союзники. Что же получается в таком случае? Сателлиты союзников срывают приглашение, посланное самими союзниками. Разве кто-либо в мире поверит, что Колчак, Деникин, Чайковский и другие, целиком зависящие от союзников и находящиеся на их полном иждивении, осмелились бы отклонить это предложение, если бы оно было действительно искренним и если бы они не знали, что Клемансо их целиком поддерживает, а Ллойд-Джордж и Вильсон не пойдут до конца и в решительный момент сдадут свои позиции. Вот почему зафиксировать провал конференции на Принцевых островах ввиду отказа от участия в ней белых правительств и при наличии согласия советского правительства было для союзников политически недопустимо. Это означало бы саморазоблачение союзников и поднятие одновременно престижа советского правительства, которое во имя стремления к миру выразило готовность идти на тягчайшие уступки и не побоялось встретиться за столом конференции со своими врагами. Необходимо было изменить обстановку и найти способ переложить вину за срыв конференции на Принцевых островах на большевиков. Именно это и попытался сделать Черчилль, предлагая свою редакцию второго послания. С этой целью он прибег к методу, который хорошо известен определённой категории карточных игроков. В послании 22 января 1919 г. всем политическим группам России, «которые ныне осуществляют и пытаются осуществить политическую власть или военный контроль», предлагалось послать представителей на Принцевы острова, «при том, однако, условии, что на это время будет перемирие между приглашёнными сторонами... и наступательные действия будут прекращены»³².

Это условие было обращено ко всем приглашённым. Никому из приглашённых не предписывалось ни первому прекратить военные действия, ни первому предложить своим противникам перемирие. Что же предложил Черчилль на заседании 15 февраля? В своём проекте второго послания он говорит, что «большевистское правительство, на словах принимая приглашение явиться на Принцевы острова, на деле, вместо того, чтобы соблюдать условия перемирия (какого, кто его заключал, кто из сторон его предлагал? — Б. Ш.), начало наступление и в настоящее время ведёт атаку на нескольких фронтах»³³.

Таким образом, Черчилль устанавливает вину советского правительства и только советского правительства. Вслед за Черчиллем и Соннино, и Бальфур, и другие повторяют, что большевики не выполнили основного условия созыва конференции — не прекратили военных действий. А другие, сражающиеся в России войска, и в том числе союзные? Об этом все молчат. И только в конце заседания Бальфур задаёт «неуместный» вопрос — о том, была ли тактика союзных войск в этот период исключительно оборонительной. Можно вообразить, какими глазами посмотрел Черчилль на своего коллегу по кабинету (кстати сказать, Бальфур отличался значительной независимостью своих суждений и часто ставил своих товарищей по кабинету в неловкое положение). Впрочем, под занавес закрывающегося заседания Черчилль уклонился от ответа по существу на вопрос Бальфура.

Итак, вина большевиков установлена: они не прекратили военных действий против интервентов и белогвардейцев. Отсюда и выводы: пре-

³² «Внешняя политика СССР». Т. I, стр. 223.

³³ Там же.

кратите в течение десяти дней наступление, отступите на пять миль от передовых позиций противника. Если вы это сделаете и это будет «полтверждено донесениями с разных фронтов, то с таким же требованием союзники обратятся к войскам их противников». Крапленые карты и шулерские приёмы видны, как на ладони.

Рассказывая в книге «Мировой кризис» о своём предложении 15 февраля, Черчилль не мог удержаться от раскрытия всей своей тактики. Как мы видели из протокола заседания 15 февраля, Черчилль предложил одновременно с посылкой радиосообщения создать Союзный совет по русским делам. Назначение этого Совета не вызывало никаких сомнений: он должен был быть штабом вооружённой интервенции, первой задачей которого должна была явиться разработка плана вооружённой интервенции. Из двух предложений: радиосообщения и создания Совета по русским делам — последнее было главным и основным. Радиосообщение должно было маскировать создание центрального штаба интервенции. Более того: редакция радиосообщения была явно провокационной, рассчитанной на неизбежное отклонение её советским правительством.

Вот что по этому поводу пишет Черчилль: «Заранее предвидя возможность отказа со стороны советского правительства принять условия союзников и возможность продолжения с его стороны враждебных действий, предложено им (Черчиллем.— Б. Ш.) создать соответствующий орган для обсуждения вопроса о возможности соединённых военных действий держав союзной коалиции, независимых лимитрофных государств и дружественных союзникам правительств России»³⁴. Таким образом, сам Черчилль подтверждает то, что было, впрочем, достаточно ясно и в момент, когда он делал свои предложения. Вся провокационная и явно, по его собственным словам, рассчитанная на отказ предлодение об условиях перемирия, Черчилль пытается сделать вид, что судьба конференции на Принцевых островах ещё не решена, что, может быть, после этого второго послания конференция ещё состоится. Правда, и здесь он прибегает к трюку. Второе послание, по его словам, предназначено для того, чтобы выяснить судьбу конференции на Принцевых островах. Между тем в редакции предложенного Черчиллем проекта говорится: «Совершенно не существенно, будет ли созвана какая-нибудь конференция и будут ли заседать представители различных воюющих друг с другом русских армий за одним общим столом. Существенно и необходимо, чтобы сейчас же прекратились и впредь не возобновлялись бои»³⁵.

Таким образом, даже положительный ответ советского правительства, на который Черчилль не рассчитывал и которого не ждал, не решил бы судьбу конференции на Принцевых островах. Но Черчилль продолжает разыгрывать свою фальшивую карту. На случай (только на случай!), если конференция провалится, необходимо заранее иметь определённую политику, которой можно было бы заменить неудавшуюся (если это будет доказано) политику Принцевых островов. Он прямо говорит, что Ллойд-Джордж не согласится отказаться от этой политики, пока не будет чем её заменить. Это дополнительный аргумент в пользу выработки какого-либо иного плана действий. Какого? Черчилль не предпринимает, боже сохрани, что этим планом будет обязательно военная интервенция. Может быть, просктируемый совет по русским делам, или, вернее, его военная секция, на немедленном создании которой настаивает Черчилль, решит, что Россию нужно предоставить своей судьбе, или, как образно выражается Черчилль, дать ей вариться в собственном соку. Однако свойственный ему темперамент не позволил оставаться на этой позиции альтер-

³⁴ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 111 (разрядка моя.— Б. Ш.).

³⁵ Там же, стр. 110.

нативы (военная интервенция или отозвание всех армий) и увлѣк его к постановке широкой политической задачи. Он набрасывает перед конференцией крупными мазками картину положения Европы в том случае, если союзники предоставят Россию самой себе. Ему рисуются союз или соглашение России с Германией и угроза, которую представит собой этот союз для Западной Европы (впоследствии эту же перспективу нарисует Ллойд-Джордж в своей знаменитой «Записке из Фонтенбло»).

Таким образом, Черчилль, заявляя, что Совет по русским делам свободен в выборе альтернативного решения (военная интервенция или отзвѣт войск и предоставление России её собственной судьбе), тут же агитировал в пользу вооружённой интервенции.

Ещё одно обстоятельство характерно для заседания 15 февраля: на нём явно обнаружилась тактическая сторона резолюции 22 января. Как Бальфур, так и Соннино признают и видят положительную сторону предложения от 22 января и возможного повторения сообщения, которое предлагал Черчилль 15 февраля, в том, что такая тактика союзников создаёт впечатление о их пацифизме и тем самым улучшает их позицию в глазах всего мира, т. е. мирового общественного мнения. Это, по их мнению, значительный плюс. Подобное признание особенно характерно для Соннино, который был откровенным противником конференции на Принцевых островах.

Таков был результат заседания 15 февраля. На этом заседании, как мы видели, не было принято никакого решения, кроме предложения отложить дискуссию на 17 февраля. В протоколе заседания 17 февраля в пункте, касающемся политики союзников по отношению к России, мы читаем краткую запись: «Дискуссия по вопросу о политике, применяемой по отношению к России, продолжалась, и после обмена мнениями было решено отложить возобновление дискуссии на более позднюю дату на этой же неделе»³⁶. В дальнейших протоколах Совета десяти дискуссий по вопросу об общей политике союзников по отношению к России мы не найдём ни в феврале, ни позже. Более того: из этих протоколов мы не узнаем и содержания дискуссии, имевшей место на заседании 17 февраля.

Что же произошло с вопросом о русской политике? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно обратиться к другим источникам.

Как ни старался Черчилль изобразить себя верным истолкователем мыслей Ллойд-Джорджа, последний немедленно заметил, что предложения Черчилля являются откровенным планом вооружённой интервенции, против которой он возражал и забил тревогу. Об этой тревоге повествует как Черчилль в своей книге «Мировой кризис», так и сам Ллойд-Джордж в книге «Правда о мирных договорах».

Получив сообщение о заседании 15 февраля, Ллойд-Джордж послал телеграммы своему секретарю Ф. Керру, оставшемуся в Париже и бывшему личному представителем Ллойд-Джорджа, и Черчиллю. В телеграмме на имя Керра от 16 февраля Ллойд-Джордж выражает согласие с текстом предложенного Черчиллем проекта нового обращения к советскому правительству. Далее он пишет: «Что же касается того плана, который предложен им в качестве альтернативы (Ллойд-Джордж имеет в виду проект создания Союзного совета по русским делам и его военной секции.— Б. Ш.), то я надеюсь, что Черчилль не вовлечёт нас ни в какие дорогостоящие операции, которые повлекли бы за собою большие затраты людьми и деньгами. Текст каблогаммы, которую он мне прислал, даёт известное основание опасаться этого»³⁷. Объяснения Черчилля в ответ на подозрения Ллойд-Джорджа не удовлетворили последнего. В телеграмме на имя Черчилля он поставил все точки над

³⁶ Foreign Relations. V. IV, p. 28.

³⁷ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 112.

«i». В этой телеграмме Ллойд-Джордж писал: «Очень встревожен вашей второй телеграммой о планах войны с большевиками. Кабинет никогда не давал своего согласия на такое предложение и не имел в виду ничего большего, чем снабжение необходимым снаряжением армий на территориях России, контролируемых противниками большевиков, для того, чтобы они могли держаться, и то только в том случае, если все попытки мирного разрешения вопроса окажутся безуспешными... (разрядка моя.—Б. Ш.). Изучение военными специалистами вопроса о наилучшем методе нашего материального содействия этим русским армиям — дело хорошее, но помните, что весьма существенно установить, во что это обойдётся... Я прошу вас не брать от имени нашей страны никаких обязательств по этому безумному предприятию, продиктованному ненавистью к большевистским принципам (разрядка моя.—Б. Ш.). Дорогостоящая наступательная война против России — это способ усилить большевизм в России и создать его у нас. Мы не можем взять на себя такое бремя. Чемберлен (Остин Чемберлен — министр финансов.—Б. Ш.) сообщил мне, что мы с трудом сведём бюджет даже при нынешнем чудовищном налоговом обложении, если мы ввяжемся в войну с целым континентом, каким является Россия, то мы пойдём по прямому пути к банкротству и к большевизму на наших же островах. Французы не являются надёжными руководителями в этом вопросе. Их настроения в большой мере отражают влияние огромного количества мелких держателей, которые вложили свои деньги в русские займы и теперь не видят возможности когда-либо спасти свои деньги (разрядка моя.—Б. Ш.). Я убедительно прошу вас поэтому не обращать серьёзного внимания на их подстрекательства. Они больше всего хотят, чтобы мы таскали для них каштаны из огня. Я прошу у вас также помнить о весьма серьёзном положении рабочего вопроса в нашей стране. Если бы стало известно, что вы поехали в Париж для подготовки плана войны против большевиков, это вызвало бы среди организованных рабочих волнение, которое трудно даже себе представить, и что ещё хуже, это бросит в объятия экстремистов, очень многих благообразных людей, которые сейчас ещё ненавидят их методы (разрядка моя.—Б. Ш.). Я искренно надеюсь, что вы будете отстаивать ваши первоначальные предложения с теми поправками, которые я внёс. Пожалуйста, покажите эту телеграмму министру иностранных дел»³⁸.

Из этого текста совершенно очевидно, что Ллойд-Джордж полностью разгадал план Черчилля по организации штаба военной интервенции и принял меры против его осуществления. Кроме телеграммы Черчиллю, которую Ллойд-Джордж просил показать Бальфуру (считая, что последний разделяет его планы, а не Черчилля), Ллойд-Джордж поручил Керру показать его телеграммы полковнику Хаузу как доверенному лицу президента Вильсона. Керр выполнил это поручение, о чём он сообщил Ллойд-Джорджу телеграммой от 17 февраля. Из текста телеграммы видно, что она писана до заседания Совета десяти, о котором мы упоминали выше. Таким образом, взгляды Ллойд-Джорджа были известны до заседания как Бальфуру, так и Хаузу. Только постскриптум в телеграмме написан после заседания и даёт представление о том, что произошло на заседании 17 февраля и что не было отражено в его протоколе. Телеграмма Керра чрезвычайно любопытна во многих отно-

³⁸ Ллойд-Джордж «Правда о мирных договорах».

шениях. Вот что он сообщал Ллойд-Джорджу: «В соответствии с Вашими инструкциями я показал копии Ваших телеграмм полковнику Хаузу. Полковник Хауз сказал мне, что вполне согласен с Вашими взглядами, за исключением того лишь, что он возражает даже против назначения упомянутой Вами комиссии, это, несомненно, будет возведено французами как показатель начала войны с большевиками и, в свою очередь, может вызвать серьёзное возбуждение в рабочем классе Англии и Америки, которое заставит английское и американское правительства немедленно обнародовать свою программу по русскому вопросу (разрядка моя.— Б. Ш.). Полковник Хауз просил меня также сообщить Вам, что основная цель его политики — предотвратить сближение немцев с русскими, ибо это сближение означало бы гигантское способное к наступлению целое — от Искогамы до Рейна. Он боится, что антибольшевистская политика Франции приведёт именно к этому результату, и ему трудно понять, почему французы так одержимы этой идеей. Хауз высказывается за поддержание отношений с большевиками, чтобы постепенно с ними договориться, восстановить влияние союзников в России и завершить, таким образом, заключение мира (разрядка моя.— Б. Ш.)...

...Р. С. Я только что узнал, что конференция высказалась против создания межсоюзнической комиссии по изучению русского вопроса, но воздержится от посылки ответа большевикам до того, как военные советники представят свой доклад».³⁹ (разрядка моя.— Б. Ш.).

Характерно, что Хауз, как и Ллойд-Джордж, выразил страх перед рабочим классом, который осуждал и противодействовал политике вооружённой интервенции. Этот страх усугублялся опасением перед необходимостью опубликовать «программу по русскому вопросу». Такая необходимость опубликования программы грозила большими неприятностями. Хауз понимал, что на этот раз отделаться документом вроде «14 пунктов» не удастся. Очевидно, придётся успокаивать возбуждение рабочих, а следовательно, заявить об отзыве всех войск. А именно этого не хотелось сказать ни Ллойд-Джорджу, ни Вильсону, так как не хотелось окончательно и бесповоротно упускать из своих рук карту военной интервенции, которая позволяла оказывать давление на большевиков и сулила возможность получить серьёзные выгоды. Как Ллойд-Джордж и Черчилль, полковник Хауз тоже боится «сближения русских с немцами». Повидимому, возможность этого сближения настолько панически действовала на Хауза, что он продлил восточные границы этого, как он выражается, «гигантского целого» вплоть до Искогамы. Наконец, Хауз допустил в своём разговоре с Керром (для передачи Ллойд-Джорджу) одну весьма явную неправду: он уверял Керра в том, что он «за поддержание отношений с большевиками, чтобы постепенно с ними договориться». Как сопоставить это заявление с выступлением Хауза на Совете десяти 15 февраля, когда он сказал, что он «никогда не был сторонником предложения конференции на Принцевых островах»? Это противоречие может быть объяснено лишь субъективными свойствами полковника Хауза: он никогда не отличался твёрдостью и последовательностью своих взглядов и часто поддавался постороннему влиянию.

Между американской делегацией, которую в отсутствие Вильсона возглавлял Лансинг, и президентом произошёл обмен телеграммами. Этому обмену предшествовало заседание делегации 17 февраля, а затем и са-

³⁹ Ллойд-Джордж «Правда о мирных договорах».

мое заседание Совета. Перед нами протокол заседания американской делегации от 17 февраля. Присутствуют члены делегации Лансинг, полковник Хауз, Уайт, генерал Блисс и Гертер. Полковник Хауз ставит на обсуждение делегации вопрос о том, какой позиции должны держаться американские делегаты на заседании Совета десяти, которое должно было состояться в тот же день, после обеда. Проект инструкции делегатам был подготовлен сотрудником делегации Аукинклоссом и был обсуждён пункт за пунктом. Члены делегации согласились с тем, что в любом послании, которое будет принято, должно быть установлено, что переговоры с Россией не прерваны, но что некоторые группы в России не выполнили тех условий, которые заключались в первом предложении объединённых правительств. Лансинг заметил, что стремление ясно указать неправильное толкование предложения союзников большевиками сделало необходимым второе послание. Члены делегации признали, что они должны повторить обращение, так как они не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела России и так как мотивы, которыми было продиктовано первое предложение, ничего общего не имеют с внешними долгами или уступкой территории, а выражают желание помочь России выйти из её несчастья. Полковник Хауз заметил, что на основании разговора, который он имел этой ночью с Брантингом, представляется исключительно важным, чтобы союзники высказались в пользу крестьянской собственности в России. Члены делегации согласились с этим. Лансинг добавил, что единственная реальная надежда на стабилизацию в России покоится на признании результата раздела земельной собственности. Полковник Хауз заметил, что в сообщении необходимо подчеркнуть готовность в любой момент коллективно вести переговоры о мирном соглашении с различными течениями в России при условии, что будет принято первоначальное предложение — о прекращении враждебных действий до начала дискуссии. Члены делегации согласились с этим. Аукинклоссу было поручено переработать первоначальный проект с учётом сделанных замечаний. Таким образом, американская делегация внесла свои поправки в проект нового обращения, предложенный Черчиллем на заседании 15 февраля, и перешла к обсуждению второй и, конечно, главной части его предложения: о создании Союзного совета по русским делам с поручением ему подготовить новый план действий в отношении России. По этому пункту повестки выступил член делегации генерал Блисс, который сказал, что американская делегация должна быть полностью подготовлена на случай, если встанет вопрос о применении оружия в России. Генерал Блисс представил на обсуждение делегации следующий проект декларации по этому вопросу: «Совершенно ясно и мудро было бы для нас всех отметить, что правительство и народ Соединённых Штатов решительно возражают против участия в любых враждебных действиях в России до тех пор, пока продолжают существовать настоящие общие условия. Правительство и народ не намерены ввязываться в новую войну неопределённых размеров и времени до тех пор, пока нынешняя война не закончится объявленным и установленным миром. Одной из причин американского нежелания участвовать в активных действиях, касающихся положения в России, является невозможность сосредоточить особое внимание на России... Для нас большевизм в России является одним из беспорядочных пятен, которые извращают карту Европы. Для нас здесь всё представляется в недопустимом беспорядке. Однако в России эти беспорядки не больше, чем в ряде других государств. Если бы мы могли сейчас добиться окончательного и определённого мира, если бы мы могли сказать Германии, Польше, Чехословакии и другим государствам: «Вот ваши определённые границы, оставайтесь в них, не нападайте на ваших соседей и не пытайтесь захватывать силой их территории», если бы мы

могли выполнить это, дав тем самым этой части Европы первую стадию организованного мира, такого мира, о котором мы молимся, тогда условия в России предстали бы перед нами в ясном и бросающемся в глаза контрасте по сравнению с общим миром. Тогда народ Соединённых Штатов мог бы прийти к выводу, что мир в России является единственным обстоятельством, необходимым для обеспечения всеобщего мира, и что существующие в ней условия являются единственным обстоятельством, угрожающим миру всего мира. Возможно, что тогда Соединённые Штаты согласились бы принять участие в умиротворении России».

Члены делегации единодушно одобрили декларацию генерала Блисса и решили, что эта декларация должна быть оглашена на заседании Совета до сообщения от имени всех объединённых правительств, о котором докладывал в начале заседания (делегации) полковник Хауз (речь идёт о проекте обращения, предложенном Черчиллем. — Б. Ш.)⁴⁰.

Изложенный нами протокол заседания американской делегации от 17 февраля не оставляет сомнений в позиции США по отношению к предложению Черчилля. Это отношение было отрицательным. Любопытно, однако, остановиться на аргументации генерала Блисса, которая так единодушно была одобрена всей делегацией. Эта аргументация значительно отличалась от мотивов всех других противников военной интервенции в России. Блисс не упоминает ни о недопустимости вмешательства во внутренние дела России, ни об опасности возмущения рабочего класса, ни, наконец, об опасности контакта России и Германии, — словом, ни об одном из аргументов как Ллойд-Джорджа, так и полковника Хауза. Его аргументы другие. Его тезис заключается в том, что Россия не больше, нежели другие страны Европы, представляет собой «пятно, уродующее карту Европы». Европа вся не имеет мира после войны: границы не определены, мирные договоры не подписаны, нападения на чужие земли и насильственный их захват продолжают. Как же можно в такой обстановке сосредоточивать внимание на одной России и только ею заниматься, да к тому же не просто заниматься, а подготавливать настоящую войну с участием Соединённых Штатов? Генерал Блисс не высказывается вообще против вооружённой интервенции. Он заявляет, что вообще Соединённые Штаты могли бы принять участие в «умиротворении России» (так он называет интервенцию), но только тогда, когда Россия будет, и если она будет, единственным местом беспорядков в Европе. В декларации генерала Блисса звучит совершенно явно нота американского изоляционизма, который в это время уже определённо высказывался, и притом всё громче и громче, против внешней политики Вильсона. Критика послевоенной Европы, подчёркивание её хаотических условий были чрезвычайно типичны для политиков-изоляционистов. Как бы то ни было, в силу ли аргументов генерала Блисса или аргументов полковника Хауза (совсем иного порядка, как мы видели), американская мирная делегация на своём заседании утром 17 февраля 1919 г. решительно и единогласно высказалась против предложений Черчилля и даже приняла решение выступить с открытым забралом (эventуальная передача прессе декларации генерала Блисса в случае, если дело примет нежелательный оборот и будет принято решение в духе предложений Черчилля). С этими инструкциями два американских делегата — государственный секретарь Лансинг и полковник Хауз — отправились на заседание Совета десяти, которое состоялось того же, 17 февраля, в 3 часа дня.

Что произошло на этом заседании, мы точно не знаем. Протокол заседания Совета от 17 февраля ограничивается краткой фразой об от-

⁴⁰ Foreign Relations, V. II.

срочке дальнейшего обсуждения. Эта фраза скрывает дискуссию, имевшую место на заседании, и скрывает сознательно. Как сообщал в своей телеграмме на имя президента Вильсона Лансинг (об этом ниже), участники Совета приняли решение о «секретности данной стадии обсуждения русского вопроса». Вот почему протокол Совета, обычно очень полный и почти дословный, на этот раз ограничивается одной короткой фразой. С другой стороны, мы приводили выше постскриптум в письме Керра на имя Ллойд-Джорджа от 17 февраля (постскриптум написан после заседания 17 февраля). Керр, который сам не присутствовал на заседании Совета десяти, пишет с чьих-то слов. Нужно, однако, думать, что он не стал бы посылать Ллойд-Джорджу непроверенную и неточную информацию о решении Совета. Черчилль в своей уже неоднократно цитированной нами книге ничего не сообщает о дискуссии 17 февраля. Он ограничивается констатацией своего поражения в следующих общих выражениях: «Но достигнуть какого-либо соглашения между державами оказалось невозможным... когда оба проекта — и предложение приехать для переговоров на Принцесы острова, и совместное обсуждение военных и дипломатических возможностей (т. е. проект Черчилля о создании Совета по русским делам. — Б. Ш.) кончились ничем (разрядка моя. — Б. Ш.) и т. д.»⁴¹.

Обратимся теперь к переписке, имевшей место между Лансингом и президентом Вильсоном в промежуток между 17 и 20 февраля 1919 года.

Первая телеграмма Лансинга, сообщавшая президенту о предложении Черчилля, была отправлена только 17 февраля и притом после заседания Совета, состоявшегося в тот же день, в 3 часа дня. В этой телеграмме Лансинг сообщает: «Дискуссия по русскому вопросу продолжалась сегодня после обеда на заседании на Кэп-Орсэ. Уинстон Черчилль внёс резолюцию, приглашающую военных представителей Верховного военного совета в Версале, к которым могут быть присоединены для участия представители морских генеральных штабов союзных и ассоциированных держав, изучить и доложить в кратчайший срок вопрос о практической возможности объединённой военной акции держав с тем, чтобы помочь русским армиям, которые были призваны этими державами в течение войны с Германией самим держаться против большевистского нажима, а также о мерах предосторожности, которые могут быть необходимы или возможны для обеспечения безопасности Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Американские представители воспротивились принятию этой резолюции, и после значительной дискуссии было, в частности, принято решение ввести секретность в эту стадию дискуссии, чтобы каждый делегат (делегация) мог консультировать своих военных представителей в Версале (Верховный военный совет. — Б. Ш.) по вопросам, поставленным в резолюции Черчилля, чтобы военные представители могли обсудить эти вопросы между собою секретно и чтобы они могли доложить своим соответствующим делегациям в кратчайший срок. После этого весь вопрос снова будет подвергнут дискуссии с целью определить политику (в отношении России. — Б. Ш.)»⁴².

Таким образом, сообщение Лансинга о результатах заседания Совета десяти 17 февраля в основном совпадает с сообщением Керра. Оба сообщения говорят о том, что хотя резолюция Черчилля о создании специального Совета по русским делам не была принята, однако всё же было решено поручить военным экспертам (да притом ещё в секретном порядке) изучить положение вещей в России именно с точки зрения тех задач, которые были намечены Черчиллем. Если Черчилль не добился успеха в открытой форме, то в скрытой, несомненно, он его имел. В своём сообщении Лансинг ничего не упоминает о том, что Совет десяти воздержался от принятия первого предложения Черчилля, а именно

⁴¹ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 113.

⁴² Foreign Relations, p. 62, 59.

посылки нового сообщения, касающегося условия, связанного с конференцией на Принцевых островах (приостановка военных действий со стороны Красной Армии). Выше мы останавливались на провокационном характере этого сообщения. Поскольку оно не было принято Советом десяти, это, конечно, была известная неудача для Черчилля, но неудача не такая уж большая. Не приняв это предложение Черчилля, Совет десяти вообще воздержался от какого-либо напоминания о конференции на Принцевых островах. И это отнюдь не шло вразрез с общими планами Черчилля об организации вооружённой интервенции.

На телеграмму Лансинга президенту Вильсону последовал немедленный ответ, отправленный Вильсоном с борта «Джорджа Вашингтона» 19 февраля. В этой телеграмме Вильсон писал: «Очень поражён русским проектом Черчилля. Я определённо понял Ллойд-Джорджа в том смысле, что не может быть и речи о какой-либо военной акции, и всё, что я сказал на коротком собрании после обеда в пятницу, было только то, что я согласен не предпринимать никакого сепаратного действия, но что я не согласен, с другой стороны, с какой-либо политикой, которая противоречила бы возможно быстрому отзыву военных сил (из России.— *Б. Ш.*) Было бы фатальнее дальнейшее вмешательство в русский хаос»⁴³.

Эта телеграмма была получена американской делегацией в Париже 20 февраля. Вильсон, уклонившийся на заседании 14 февраля от определённого ответа на вопрос, поставленный Черчиллем, и отказавшийся изложить в ясной и отчётливой форме свои планы относительно «русского вопроса», теперь испугался проекта Черчилля. Он, конечно, совершенно ясно отдавал себе отчёт в том, какие цели преследует этот проект.

23 февраля 1919 г. Лансинг кратко ответил на телеграмму Вильсона. Он успокаивал Вильсона и сообщал следующее: «Проект Черчилля может считаться мёртвым. Имеется весьма небольшая опасность, что он вновь оживёт на конференции. Генерал Блисс разъяснил Черчиллю, что последний неправильно понял Вашу точку зрения и что Вы не сделали никакого заявления, которое он Вам приписывает, касающегося военной акции в России»⁴⁴. Трудно сказать, сознательно или бессознательно был Черчилль введён в заблуждение заявлениями Вильсона. Это тем более трудно сказать, что мы не знаем, ограничился ли Вильсон лишь теми заявлениями, которые он сделал по «русскому вопросу» на заседании 14 февраля, и не видел ли он перед своим отъездом с Черчиллем, не имел ли с ним частной беседы. Так или иначе, необходимо констатировать, что, узнав о слишком определённых планах Черчилля, Вильсон забил отбой. Одно дело — произносить туманные речи на заседании Совета десяти, тем самым оставляя для себя свободу действий в «русском вопросе», лавировать и маневрировать, а другое дело — давать согласие на откровенно интервенционистский план Черчилля.

Что же, однако, давало Лансингу основание утверждать в телеграмме на имя Вильсона от 23 февраля, что план Черчилля может считаться отпавшим? Обратимся снова к протоколам заседаний американской делегации. На заседании делегации от 18 февраля Лансинг доложил о результатах заседания Совета десяти 17 февраля. По его словам, происходившее накануне заседание по «русскому вопросу» не очень продвинуло его решение. Генерал Блисс высказал пожелание собрать по этому вопросу в тот же день совещание в составе генерала Вильсона (начальник имперского британского штаба.— *Б. Ш.*) и военных руководителей некоторых других держав. Он хотел бы прочесть им меморандум, который он приготовил накануне (и который мы цитировали выше.— *Б. Ш.*), и объяснить им совершенно откровенно, что, по его мнению, с военной точки зрения, было бы преступным сумасшествием начинать

⁴³ Foreign Relations, p. 71, 72.

⁴⁴ *ibidem*, p. 73.

новую войну по другую сторону Германии раньше, чем нынешняя война будет закончена. Лансинг заметил, что ввиду того, что Совет десяти оказался не в состоянии решить что-либо по вопросу о политике (в отношении России.— *Б. Ш.*), было бы лучше для генерала Блисса исходить исключительно из гипотетической возможности. Блисс согласился с этим и прибавил, что он предложит рассматривать известные гипотетические решения и что военные руководители должны будут разработать различные методы, применяемые к той или другой политике ⁴⁵.

Из этого краткого обмена мнениями мы прежде всего можем извлечь подтверждение того факта, что военные эксперты Верховного военного совета должны были сейчас же после заседания Совета десяти 17 февраля приняться за работу в направлении изыскания военных методов и средств, которые должны были быть применены по отношению к России. Всё это изыскание должно было иметь место при отсутствии общей директивы со стороны Совета десяти относительно той политики, которая будет проводиться по отношению к России. В дальнейших протоколах заседаний американской делегации мы не встречаем никаких сообщений, которые в какой-либо мере освещали бы вопрос о работе этих военных эспертов, и о тех результатах, к которым они пришли. Это обстоятельство, конечно, может быть объяснено решением о секретности обсуждений вопроса на данной стадии. Между тем нет сомнений, что такая работа военных экспертов происходила. О ней свидетельствует ряд косвенных показаний, которые никак, конечно, игнорировать не приходится. Так, прежде всего следует иметь в виду сообщения Ллойд-Джорджа о плане военной интервенции, который был выдвинут маршалом Фошем. Ллойд-Джордж сообщает, что «на заседании Совета четырёх, во время моего отсутствия в Париже, маршал Фош выдвинул план широкого наступления на Советскую Россию финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов, русских, т. е. всех народов, которые живут на окраинах России, под общим военным руководством союзников. Польша должна была быть основной базой этих сил. Фош делал всё возможное, чтобы задержать армию Галера во Франции, потому что намерен был использовать её после соответствующего обучения в качестве основной ударной силы для наступления на Россию и боялся, что если она тотчас же отправится в Польшу, то будет деморализована или совсем распадётся. Пилсудский расстроил этот проект Фоша, так как настаивал, чтобы армия Галера была немедленно переброшена в Польшу для завоевания Галиции с целью присоединения её к новой Польше» ⁴⁶.

Нет никаких оснований сомневаться в правильности сообщения Ллойд-Джорджа, поскольку на заседании Совета десяти 25 февраля маршал Фош выступил с предложением, абсолютно совпадающим с тем, которое ему приписывал выше Ллойд-Джордж. На этом выступлении маршала Фоша необходимо остановиться тем более, что именно его план наступления на Советскую Россию был положен в основу первого похода Антанты весной 1919 года.

На указанном заседании Совета десяти маршал Фош выступил в связи с обсуждением польского вопроса. Он поставил перед Советом проблему войны на Западе и Востоке... Со времени подписания перемирия союзники потеряли время на Западе и имели большие затруднения на Востоке. Следовательно, положение на Западном фронте должно быть немедленно стабилизировано таким образом, чтобы все человеческие и материальные ресурсы были свободны для использования при решении восточной проблемы. Рано или поздно «русский вопрос» должен быть решён, иначе плоды победы будут упущены либо вследствие це-

⁴⁵ Foreign Relations. V. XI. p. 49.

⁴⁶ Ллойд-Джордж «Правда о мирных договорах», стр. 407.

ментирования союза между Германией и Россией либо вследствие распространения большевизма в Германии. С другой стороны, внимательное изучение восточной проблемы позволяет считать, что она представляет не больше затруднений для решения, нежели западная проблема. С 1812 по 1917 г. Россия представляла собой всегда кладбище для многих правительств и для многих армий, которые пытались проникать в эту страну, не установив достаточные базы и достаточные линии коммуникаций и не имея необходимого количества людей. Враг может быть скверно организован, но он разбросан на огромной территории и представляет собой ужасную заразу. Чтобы сражаться с таким врагом, необходимо иметь специально организованные войска и притом в большом количестве, дабы иметь возможность охватить всю занятую территорию. Например, польские войска могут быть вполне применимы против русских, если при этом они будут укреплены новейшими видами вооружения. Большая численность может быть достигнута мобилизацией финнов, поляков, чехов, румын и греков, равно как и могущих быть использованными русскими просоюзнических элементов. Эти молодые войска, сами по себе недостаточно хорошо организованные (хотя лучше организованные, чем большевики), могут, если будут поставлены под единое командование, представить собой общую силу, достаточную, чтобы подавить большевистские силы и оккупировать их территорию. Если это будет сделано, 1919 год увидит конец большевизма, точно так же как 1918 год увидел конец пруссачества. Но для того чтобы добиться этой цели, необходимо создать базу, состоящую из цепи независимых государств — финнов, эстонцев, поляков, чехов и греков. Создание такой базы позволит союзникам навязать свои требования большевикам⁴⁷. Интересно отметить, что на заседании Совета десяти откровенный и не оставляющий никаких сомнений план военной интервенции, изложенный маршалом Фошем, не встретил каких-либо возражений по существу. Полковник Хауз, который только за несколько дней до того, в разговоре с Филиппом Керром, высказывался против военной интервенции в Россию и за соглашение с большевиками, ограничил незначительным вопросом, заданным маршалу Фошу, притом относящимся не к его плану войны с Советской Россией, а к условиям мира с Германией. Что касается Бальфура, то он также не высказал каких-либо возражений против этого интервенционистского плана.

Вплоть до возвращения в Париж президента Вильсона (15 марта) ни протоколы Совета десяти, ни протоколы заседаний американской делегации, ни, наконец, публикации Государственного департамента США, касающиеся специально внешней политики США по отношению к России, не дают никаких сведений относительно возобновления общей дискуссии по «русскому вопросу». Не дают таких сведений и мемуарные источники. Метод обсуждения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции после 17 февраля 1919 г. изменился: вместо общей дискуссии, пытавшейся установить единую политику союзников по отношению к Советской России, как это имело место в течение января и февраля 1919 г., перешли к практическому решению вопроса: военные эксперты Верховного военного совета обсуждали военно-технические условия осуществления военной интервенции в Россию, причём это обсуждение шло по линии и общего плана, предложенного маршалом Фошем и изложенного нами выше. Время от времени в Совете десяти возникали дискуссии по отдельным проблемам, теснейшим образом связанным с «русским вопросом» и представившим собой элемент плана Фоша. Совет десяти занимался обсуждением польской, эстонской, латвийской, финской и других проблем, причём направление этой дискуссии и её выводы абсолютно совпадали с предложениями маршала Фоша. Совет десяти превратился в Верховный штаб первого похода Антанты

⁴⁷ Foreign Relations. V. IV, p. 121—123.

без того, чтобы наметить и зафиксировать в каком-либо общем решении политику вооружённой интервенции. Ни Вильсон, ни Ллойд-Джордж, бывшие в течение января 1919 г. авторами предложения о созыве конференции на Принцевых островах и планов мирного разрешения «русского вопроса», после 17 февраля не ставили на обсуждение конференции общие проблемы политики по отношению к России. О Принцевых островах больше никто не говорил. Любопытное свидетельство о смерти самой идеи конференции на Принцевых островах мы находим в протоколе заседания американской делегации от 28 февраля 1919 года. На этом заседании член американской делегации Уайт сообщил о том, что Тардые заявил (где имело место это заявление, Уайт не уточнил.—*Б. Ш.*), что вопрос о конференции на Принцевых островах может считаться окончательно оставленным. По этому поводу Лансинг посоветовал Уайту заявить, что этот вопрос (о Принцевых островах.—*Б. Ш.*) ещё не получил своего окончательного разрешения⁴⁸. В этом расхождении мнений, несомненно, Тардые был прав. С Принцевыми островами действительно было покончено. Основным методом «решения» «русского вопроса» снова сделалась вооружённая интервенция.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИНЫ

⁴⁸ Foreign Relations. V. XI, p. 84—85.